

AUTHORS' STRATEGIES IN RUSSIAN WRITER'S JOURNALISM OF 1917 – 1921 (ON THE MATERIAL OF L.N. ANDREEV, M.A. VOLOSHIN, A.I. KUPRIN, A.T. AVERCHENKO'S CREATIVITY)

Rakytova L.

The aim of the given article is to investigate the types of authors' strategies in the anti-bolshevik writers's journalism of the transitional period. Highlighting features of the authors' idiostyle, principles of creation publicity is being performed on the material of creativity of four prominent Russian writers. On the material of the writers' journalism of 1917 – 1921 it seems to us possible to distinguish four models of writhers' perception of the reality such as “complicity” (A.I. Kuprin), “fatality” (L.N. Andreev), “recusancy” (M.A. Voloshin), “individualism” (A.T. Averchenko).

Keywords: writer's journalism, author's strategy, publicity, ideostyle.

УДК 82.09

ЛЕС КАК ПРОПАСТЬ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ДАНИИЛА ХАРМСА

Иван Ревяков

старший преподаватель

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

Донецк

e-mail: revyakov@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению леса как воплощения пропасти в поэтическом мире Даниила Хармса. Лес, как олицетворение первоначального Хаоса, является в то же самое время олицетворением материи как первовещества, из которого создается весь мир, и местом ритуала инициации. Герой стихотворения Д. Хармса «Из дома вышел человек...» попадает в лес, исчезая в нем, словно в пропасти, пропадая. При этом, действие стихотворения разворачивается в прошлом и условно будущем временах, «минуя» настоящее время. Семантика события стихотворения также находит свое выражение и на метрико-ритмическом уровне, что свидетельствует о неслучайности такого построения текста.

Ключевые слова: лес, материя, стихотворение, метр, ритм, пропасть.

Целью данной работы является рассмотрение леса как воплощения пропасти в поэтическом мире Даниила Хармса. Согласно В.В. Библихину, «лес», по сути дела, означает «первовещество», первичную материю, из которой все возникло: «Странным образом исходный смысл слова материя лес.

Слово *материя* латинское, его первое значение *первовещество*, у Цицерона материя мира, из которой и в которой существует все, *materiae genitrix ex qua et in qua sunt omnia*. Этот латинский философский термин перевод греческого философского термина ὕλη, первое значение которого

лес. Очень возможно что официальное, техничное значение материи в латинском, такое же как теперь у нас в русском, стало первым только внутри государственной культуры, а в народной культуре главным было то, которое философским языком было потом потеснено, а именно: материал, и прежде всего *горючий* материал, и прежде всего опять же *древесина*, т.е. *лес*» [1, с.16]. Справедливости ради, отметим и то, что в древнегреческом языке слово ὕλη имело следующие значения, а именно: 1) «лес (как на корне, так и срубленный), кустарник, валежник, дрова»; 2) «вещество, материя, материал» [2, стлб.1269]. Таким образом, с одной стороны, лес значит все, что связано с деревом (произрастающим или уже срубленным), а с другой стороны – то первовещество, из которого образуется мир.

Сделав эти предварительные замечания, обратимся к тексту стихотворения Даниила Хармса «Из дома вышел человек...» (1937 г.):

Из дома вышел человек
С дубинкой и мешком,
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.

Он шел все прямо и вперед
И все вперед глядел.
Ни спал, ни пил,
Ни пил, ни спал,
Ни спал, ни пил, ни ел.

И вот однажды на заре
Вошел он в темный лес
И с той поры,
И с той поры,
И с той поры исчез.

Но если как-нибудь его
Случится встретить вам,
Тогда скорей,
Тогда скорей,
Скорей скажите нам.

[3, с.57].

Данное стихотворение состоит из четырех строф, каждая из которых состоит из пяти стихов. При этом, первый стих каждой строфы (то есть: 1, 6, 11, 16 стихи) написан 4-стопным ямбом (Я4), второй и пятый стихи каждой строфы (то есть: 2, 5, 7, 10, 12, 15, 17, 20 стихи) – 3-стопным ямбом (Я3), а третий и четвертый стихи каждой строфы (то есть: 3, 4, 8, 9, 13, 14, 18, 19 стихи) – 2-стопным ямбом (Я2). Таким образом, метрико-ритмическая последовательность чередования стихов в строфе может быть представлена

следующим образом, а именно: Я4→Я3→Я2→Я2→Я3, что определяет ритмическую композицию стихотворения и «задает» ритм развертывания события, о котором говорится в стихотворении.

Теперь обратимся к событию, о котором повествуется в исследуемом нами тексте. Стихотворение начинается с того, что некий человек с дубинкой и мешком покидает свой дом, отправляясь в дальний путь, то есть человек, по сути дела, покидает свой мир, свое обжитое обустроенное пространство, отправляясь в дальний путь, однако, о цели его путешествия читателю ничего не известно.

Во второй строфе стихотворения событие пути развертывается: указывается, что человек «ни спал, ни пил, ни ел», а «шел все прямо и вперед / И все вперед глядел».

Если в первой строфе использованы глаголы совершенного вида («вышел» и «отправился»), которые указывают на завершенность совершаемых героем действий, то во второй строфе использованы глаголы несовершенного вида, которые подчеркивают длительность и незавершенность совершаемых действий. Таким образом, эти две строфы оказываются противопоставленными друг другу через завершенность/незавершенность совершаемых героем действий. При этом, ни в первой, ни во второй строфе время совершения действий не конкретизировано.

В третьей строфе, как и в первой, используются глаголы совершенного вида («вошел», «исчез»), но, при этом, в отличие от первых двух строф здесь конкретизировано время совершения действия («на заре»), чем данная строфа противопоставлена первым двум строфам.

Четвертая строфа представляет собой обращение к читателю и является условным высказыванием, указывающим на совершение действия в будущем времени («встретить», «скажите»).

Таким образом, первые три строфы стихотворения повествуют о том, что совершилось (первая и третья строфы) и совершалось (вторая строфа) в прошлом времени, а четвертая строфа указывает на будущее время, то есть, по сути дела, настоящего времени в стихотворении нет: все событие данного произведения развертывается сразу из прошлого в условно будущее время, минуя настоящее).

Теперь обратимся непосредственно к образу леса. Первое, что обращает на себя внимание, – это то, что о лесе говорится в третьей строфе. При этом, когда утверждается событие «вхождения» в темный лес, то герой на метрико-ритмическом уровне становится «безударным», как бы предвзятое свое последующее исчезновение в лесу: «Вошел он в темный лес».

В архаических культурах лес всегда связывался с обрядом инициации, посвящения, на что указывал еще В. Я Пропп: «Связь обряда посвящения с лесом настолько прочна и постоянна, что она верна и в обратном порядке. Всякое попадание героя в лес вызывает вопрос о связи данного сюжета с циклом посвящения» [4, с.57]. Не явилось исключением и творчество

Д. И. Хармса, поскольку в его стихотворении «Фадеев, Калдеев и Пепермалдеев...» герои как раз и совершают в дремучем лесу ритуал инициации, о чем нам уже доводилось говорить [5]. Таким образом, можем предположить, что целью выхода человека из дому был обряд инициации как обряд полного духовного преображения.

Следует отметить и то, что лес, по своей сути, является совокупностью деревьев, а дерево как один из ведущих образов мифологической символики соотносилось у индоевропейцев со множеством значений, среди которых в контексте нашей работы выделим следующие, а именно: 1) «загробный мир»; 2) «число»; 3) «музыка, гармония, порядок»; 4) «огонь»; 5) «внешний, находящийся на периферии, относящийся к Хаосу, к преисподней» [6, с.134-141]. Исходя из этого, можем полагать, что герой хармсовского стихотворения, входя в лес (как олицетворение первошества), поглощается изначальным Хаосом, из которого и возникло все сущее, проваливаясь в него, словно в пропасть, в которой он пропадает. Аналогичная ситуация разворачивается и в другом стихотворении Д. Хармса «Шел Петров однажды в лес...», но это – тема отдельного исследования.

Список литературы

1. Бибихин В. В. Лес. – СПб.: Наука, 2011 – 425 с.
2. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. – СПб, 1899. – 1370 стлб.
3. Хармс Д. И. Полное собрание сочинений. Т. 3: Произведения для детей / Сост. и прим. В. Н.Сажина. – СПб.: Академический проект, 1997. – 351 с.
4. Пропп В. Я Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – Л.: Издательство ЛГУ, 1986. – 366 с.
5. Ревяков И. С. Халдеи, шабаш и амфибрахий (опыт интерпретации одного стихотворения Даниила Хармса) / И. С. Ревяков // Литературоведческий сборник. – Вып. 17-18. – Донецк: ДонНУ, 2004. – С. 127 – 137.
6. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский. – М.: ВЛАДОС, 1996. – 416 с.

FOREST AS A CHASM IN THE POETIC WORLD OF DANIIL KHARMS

Revyakov I.

The article is devoted to consideration of the forest as the embodiment of the divide in the poetic world of Daniil Kharms. The forest, as the embodiment of the original Chaos, is in the same time the personification of a matter as provided to from which is created the whole world, and a place of ritual initiation. The hero of the poem by Daniil Kharms «From the house came a man...» into the woods, disappearing into it, like into the abyss, falling. At the same time, the action of the poem unfolds in the past and the conditional future, «passing» now. The semantics of the events of the poem also finds its expression and of the metric-rhythmic level, which indicates the non-randomness of such a construction of the text.

Keywords: forest, matter, verse, meter, rhythm, chasm.